

Научная статья

УДК 902

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-50-75>

Курганы древнего населения Окинского плоскогорья (Восточный Саян)

Артур Викторович Харинский^{1,2}, Дмитрий Евгеньевич Кичигин³,
Алексей Михайлович Коростелев⁴, Матвей Александрович Портнягин⁵

^{1,3,4,5} Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

^{1,2} kharinsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

³ kichkok@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3382-4199>

⁴ alex-korostelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7799-9746>

⁵ matirk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7245-105X>

Аннотация. Курганы из камня – один из наиболее известных типов археологических памятников, встречающихся на Окинском плоскогорье Восточного Саяна (Окинский район Республики Бурятия). Первые раскопки этих сооружений были проведены в 1870 г. П. А. Ровинским возле Окинского караула (в настоящее время археологические объекты Ока 1 и Ока 2). По мнению исследователя, раскопанные им конструкции возводились в память об умерших или с их помощью обозначали место жертвоприношений. Несмотря на результаты раскопок П. А. Ровинского, окинские курганы из камня продолжали восприниматься большинством исследователей как погребальные комплексы. Новые данные об этих объектах были получены в результате раскопок, проведенных в 2020 г. на археологическом объекте Шаснур 3 А. В. Харинским. Под двумя раскопанными им каменными кладками не обнаружены следы человеческих захоронений. Изучение археологических объектов с курганами из камня было продолжено в 2021 г. Проведена фиксация и описание всех каменных конструкций памятников Ока 1 и Ока 2, раскопано три комплекса с круглыми курганами из камня. Один из них находился на археологическом объекте Ока 1 (комплекс 12), другой на Шара-Тала 1 и третий на Сондинто 1. Ни в одном из раскопанных комплексов не найдены следы человеческих захоронений. Под камнями кургана Шара-Тала 1 обнаружены кремневые пластины, микропластины и отщепы, под курганом Сондинто 1 – кремневая пластина. Результаты работ 2021 г. не позволили однозначно определить возраст и культурную принадлежность окинских курганов. Предварительно эти сооружения можно характеризовать как кенотафы или поминальники, одновременно выполняющие маркирующие функции на территории, заселенной их строителями.

Ключевые слова: Восточный Саян, Окинское плоскогорье, р. Ока, р. Сенца, древние ритуальные конструкции, хексурс, раскоп, кремневый отщеп, кенотаф

Благодарности: полевые исследования, проводившиеся авторами статьи в 2021 г. в Окинском районе Бурятии, осуществились благодаря финансовой поддержке группы компаний Бест – руководитель Г. К. Рыков и компании АН Инвест – руководитель А. Н. Недбаев. Авторы признательны всем, кто помог осуществить работы, предпринятые в 2021 г. в Окинском районе.

Для цитирования: Харинский А. В., Кичигин Д. Е., Коростелев А. М., Портнягин М. А. Курганы древнего населения Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 50–75. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-50-75>

Original article

Kurgans of the ancient population of the Oka Plateau (Eastern Sayan)

Artur V. Kharinsky^{1,2}, Dmitrii E. Kichigin³, Aleksei M. Korostelev⁴, Matvei A. Portniagin⁵

^{1,3,4,5} Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

^{1,2} kharinsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

³ kichkok@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3382-4199>

⁴ alex-korostelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7799-9746>

© Харинский А. В., Кичигин Д. Е., Коростелев А. М., Портнягин М. А., 2022

⁵ matirk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7245-105X>

Abstract. Stone kurgans are one of the most famous types of archaeological sites found on the Oka plateau of the Eastern Sayan (Oka region of the Republic of Buryatia). The first excavations of these structures were carried out in 1870 by P. A. Rovinsky near the Okinsky guard (currently the archaeological sites of Oka 1 and Oka 2). According to the researcher, the structures unearthed by him were erected in memory of the dead or, marked the places of sacrifice practices. Despite the results of excavations by P. A. Rovinsky, the stone kurgans of Oka continued to be perceived by most researchers as burial complexes. New data on these objects were obtained as a result of excavations carried out in 2020 at the archaeological site Shasnur 3 by A. V. Kharinsky. No traces of human burials were found under the two stone excavated pavements. The study of archaeological sites with stone kurgans was continued in 2021. All stone structures of the Oka 1 and Oka 2 sites were recorded and described, three structures with round stone kurgans were excavated. One of them was located at the archaeological site Oka 1 (complex No. 12), another at Shara-Tala 1 site and the third one at Sondinto 1 site. No traces of human burials were found in any of the excavated structures. Flint blades, microblades and flakes were found under the stones of the Shara-Tala 1 kurgan, and a flint blade under the Sondinto kurgan. The results of the work in 2021 did not allow us to unambiguously determine the age and cultural affiliation of the Oka kurgans. Preliminarily, these structures can be characterized as cenotaphs or memorials, simultaneously performing the marking functions on the territory inhabited by their builders.

Keywords: Eastern Sayan, Oka Plateau, Oka River, Sentsa River, ancient ritual structures, khirgisuur, excavation, flint flake, cenotaph

Acknowledgements: field research conducted by the authors of the article in 2021 in the Okinsky District of Buryatia was carried out thanks to the financial support of the Best Group of Companies headed by G. K. Rykov and the AN In-vest company headed by A. N. Nedbaev. The authors are grateful to everyone who helped to carry out the work in 2021 in the Okinsky District.

For citation: Kharinsky A. V., Kichigin D. E., Korostelev A. M., Portniagin M. A. (2022) Kurgans of the ancient population of the Oka Plateau (Eastern Sayan). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 50-75. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-50-75>

Введение

Окинское плоскогорье занимает значительную часть Окинского района Республики Бурятия, располагаясь на юго-востоке Восточного Саяна (рис. 1). С севера оно ограничено хребтом Кропоткина, с западной стороны – Сенца-Тиссинским и Тисса-Дибинским массивами, с южной стороны окаймляется хребтом Мунку-Сардык, на востоке граница плоскогорья проходит по Главному Саянскому разлому. С севера на юг плоскогорье пересекает р. Ока, вытекающая из Окинского озера. Выходя за пределы плоскогорья, она огибает хребты Восточного Саяна и вырывается на просторы Иркутско-Черемховской равнины.

Особенности морфологии, геологического строения и экзоморфогенеза позволили выделить на территории Окинского плоскогорья десять геоморфологических районов. В северной части плоскогорья располагается Окинский низкогорный котловинный район со следами ледниковой деятельности в краевых частях (Выркин, Масютина, 2017). Район вытянут вдоль р. Оки, с левой стороны в которую впадают реки Сенца, Жомболок и Сайлаг, а с правой стороны – река Улзыта. Между речными долинами располагаются расчлененные денудационные

скальные останцы, поросшие лиственничным лесом. В расширенном днище р. Оки сформировались аллювиальные равнины, покрытые степной растительностью.

Участок Окинской долины, расположенный между рекой Сенцой с юга и рекой Улзыта с севера, наиболее интересен в археологическом отношении. В работе Л. В. Лбовой и Е. А. Хамзиной «Древности Бурятии. Карта археологических памятников» в этом районе упоминается 12 из 16 археологических объектов, известных в Окинском районе. Из них 6 памятников характеризуются как средневековые могильники (Лбова, Хамзина, 1999. С. 141, 142). Наличие на Окинском плоскогорье доступных для исследования захоронений представляло возможность для решения целого ряда задач, связанных с историей Горной Оки и примыкающих к ней Тувы, Прихубсугуля, Тункинской долины и Иркутско-Черемховской равнины. На поверхности земли эти археологические объекты обозначались кладками из камня, что облегчало их исследование.

Полевые работы, связанные с изучением памятников археологии, считавшихся могильниками, начались в Окинском районе в 2020 г. Они связаны с раскопками на Шаснуре 3, в результате которых бы-

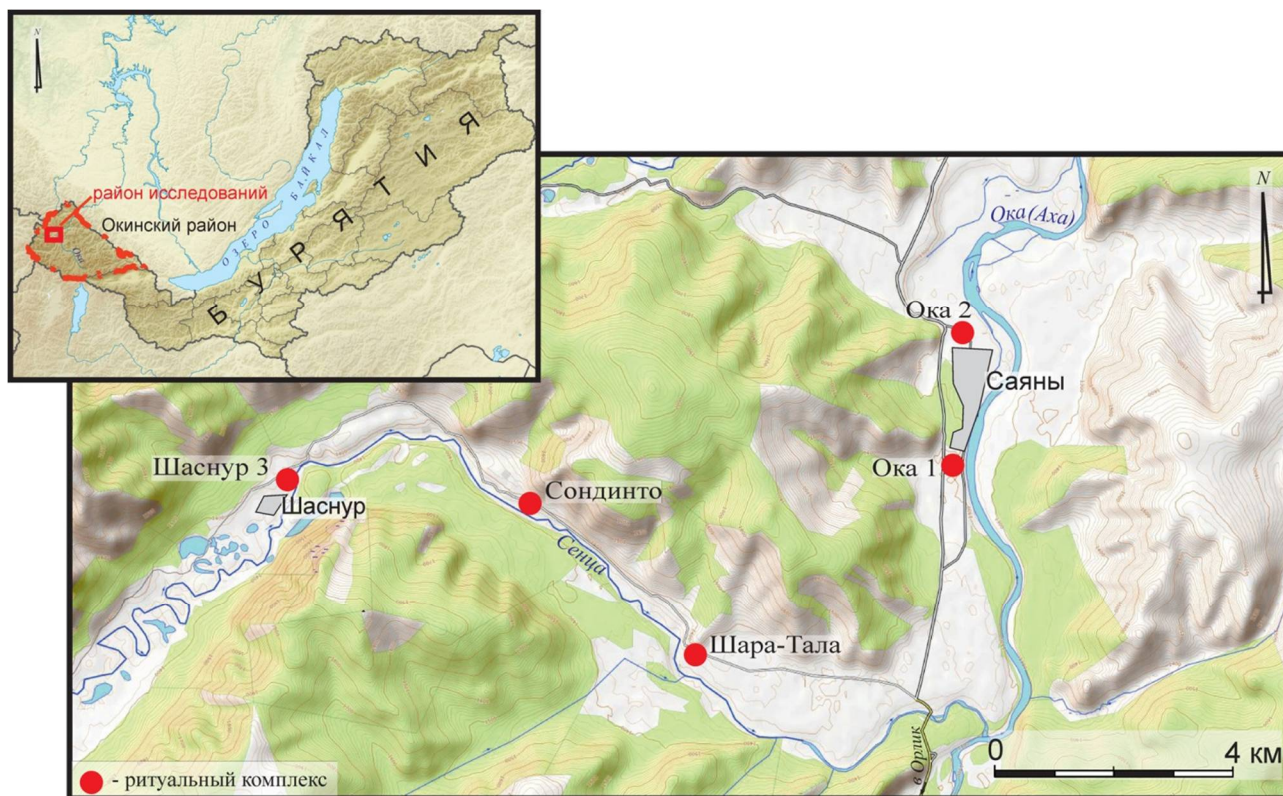

Рис. 1. Карта расположения ритуальных комплексов с курганообразными кладками в районе с. Саяны
 Fig. 1. Map of the location of ritual sites with kurgan-like pavements in the area of the village Sayany

ли вскрыты комплексы № 1 и 2, под каменными кладками которых не выявлено останков человеческих захоронений. Оба комплекса отнесены к ритуальным сооружениям, возможно, выполнявшим функции кенотафов (Ташак, Харинский, Портнягин, 2021). Попытки найти и исследовать древние захоронения на территории Окинского района продолжали оставаться достаточно актуальными. В связи с чем в 2021 г. предприняты новые раскопочные работы археологических объектов, обозначенных на поверхности земли курганообразными кладками из камней. В большинстве из них не было обнаружено следов человеческих захоронений, тем не менее полученные во время раскопок данные существенно дополнили представления об этом типе памятников и духовной культуре древнего населения Окинского плоскогорья.

История изучения археологических объектов с кладками из камня

Первые сведения о каменных курганообразных кладках в Горной Оке были опубликованы в 1867 г. П. А. Кропоткиным. В 1865 г. им предпринята поездка к Окинскому караулу – поселению, в котором жи-

ли русские казаки и буряты, охранявшие границу России с империей Цин, установленную на основании Кяхтинского договора 1727 г. П. А. Кропоткин должен был проверить сведения о водопадах, находившихся вблизи караула. По сведениям господина Черепанова, представившего эту информацию, у одного из них высота падения воды составляла около 100 саженей (около 200 м), таким образом делая его одним из самых высоких водопадов в мире.

П. А. Кропоткин писал: «...падь Оки, низовья Сенцы, Тисы и Джунбулака ... если неудобны для хлебопашества, то по крайней мере доставляют много удобств для кочевых народов. Поэтому они должно быть издавна были заселены, а теперь в окрестностях караула считают до 300 бурят, которые заняли низовья Сенцы, Джунбулака и самую долину Оки в то время, как верхние части тех же долин посещаются карагазами, а в былое время и сойотами» (Кропоткин, 1867. С. 56).

Во время осмотра окрестностей Окинского караула П. А. Кропоткиным на луговой равнине Оки были обнаружены кучи булыжников круглой или овальной формы. Исследователь посчитал, что это, по-видимому, остатки от невысоких конических по-

строек. Они были покрыты дерном и заросли травой, но на камнях прослеживались следы копти от воздействия огня. П. А. Кропоткин пишет: «... хотя я и предположил сперва, что это остатки плавильных печей чуди, но, не найдя никаких следов шлаков, пришел к тому убеждению, что это действительно остатки жилищ» (Кропоткин, 1867. С. 56).

В 1870 г. для изучения каменных куч, описанных П. А. Кропоткиным, в Окинский караул отправился П. А. Ровинский (Ровинский, 1871. С. 38, 39). На первой, второй и четвертой от Сенцы террасах им отмечены кучки камней, сложенные в виде кругов, диаметром от сажени и менее в диаметре. Они слегка возвышались над поверхностью земли и располагались без всякого порядка и симметрии. Эти кладки не походили на остатки зданий, но, по мнению исследователя, могли быть могилами. Правда, его смущало отсутствие даже небольших насыпей земли возле этих сооружений, что было бы неизбежно, если бы здесь копали землю.

П. А. Ровинским были раскопаны две каменные кладки. Одна из них находилась на ровной поверхности четвертой террасы, близ двух казачьих изб, другая располагалась поодаль от первой, на бугре, имеющем вид параллелограмма и находящемся посередине впадины. При раскопках кладок выяснилось, что под наложенными сверху камнями залегал незначительный слой земли, под которым находилось галечное основание, состоящее из мелких и крупных камней. Глубина раскопов была более сажени. В них ничего не было найдено и отсутствовали малейшие следы какого-либо воздействия со стороны человека на расположенные под кладкой отложения. По мнению П. А. Ровинского, древние обитатели окинских берегов сооружали каменные кладки на поверхности земли в память об умерших или обозначали с их помощью место для жертвоприношений. Отсутствие под ними ям объяснялось невозможностью с помощью древних орудий пробить галечное основание.

После значительного перерыва работы по поиску и описанию археологических объектов Горной Оки были продолжены в 1974 г. Они проводились А. В. Тиваненко и А. Д. Жалсараевым – сотрудниками Института общественных наук СО АН СССР. Дальнейшие исследования археологических памятников Окинского района предприняты в первой половине

1990-х годов Б. Б. Дашибаловым. Им зафиксировано 14 археологических объектов с каменными кладками на поверхности земли, из которых 2 были определены как жертвенники и 12 как могильники (Дашибалов, 1994)¹. Среди последних присутствовали конструкции с овальными кладками (Хургэ 2, Саяны 1, Монголжон 2, Обтой, Сайлаг 2), круглыми курганообразными кладками (Саяны 1, Шарза 1, Шарза 3, Шаснур 3, Шара-Тала, Булаг 1), небольшими круглыми плоскими кладками (Шарза 2, Сайлаг 2, Булаг 3). Б. Б. Дашибалов предложил следующую датировку для ряда осмотренных им памятников: Хургэ 2 – эпоха позднего средневековья, курганы оставлены бурятами; Монголжон 2 – старобурятское погребение; Обтой – относится к эпохе средневековья и датируется монгольским временем (XI–XIV вв.); Шарза 2 – старобурятские захоронения (Дашибалов, 1994. Л. 2, 7–9)¹. Дав характеристику некоторым «могильникам» первой и третьей группы, исследователь никак не охарактеризовал археологические объекты с крупными кладками круглой курганообразной формы.

Спустя практически два десятилетия после разведочных работ Б. Б. Дашибалова, к осмотру археологических объектов, расположенных в Окинском районе, и определению их границ приступил сотрудник «НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры» Республики Бурятия Д. А. Миягашев. В составленном им отчете указано 29 археологических объектов, для каждого из которых установлены границы и указаны координаты (Миягашев, 2012)². Помимо объектов, обнаруженных в начале 90-х гг., Д. А. Миягашевым выявлены и новые археологические памятники. Среди них упоминаются средневековый могильник Булаг-Шэбэй, расположенный в 8 км к юго-западу от с. Хужир (Миягашев, 2012. Л. 17)², и средневековый могильник Шамаг, находившийся северо-восточнее с. Сая-

¹ Дашибалов Б. Б. Археологические памятники Окинского района Республики Бурятия. Улан-Удэ, 1994. Архив научно-производственного центра Охраны памятников, инв. № 64. 67 л.

² Миягашев Д. А. Отчет о выполнении работ по установлению границ территорий объектов археологического наследия Окинского района Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2012. Архив научно-производственного центра Охраны памятников, инв. № 205. 42 л.

ны, у восточного подножия скалы с петроглифом, в 230 м на северо-восток от АЗС (Миягашев, 2012. Л. 29, 30)². Некоторым из объектов, описанных Б. Б. Дашибаловым, исследователь дал иные названия. Так могильник Обтой был переименован в Джамбулак (Жомболок) (Миягашев, 2012. Л. 22)². В свою очередь в том месте, где у Д. А. Миягашева упоминается могильник Обтой, у Б. Б. Дашибалова археологические объекты отсутствуют (Миягашев, 2012. Л. 6, 27)².

Могильник Саяны 1 переименован в могильник Ока и разделен на два пункта. Пункт 1 памятника располагался на высокой террасе левого берега р. Оки, на остепненном участке южной окраины села, по обе стороны грунтовой дороги, ведущей в с. Хужир. Пункт 1 памятника включал 15 могил, отмеченных крупными курганами (до 6 м в диаметре). Пункт 2 памятника локализовался на остепненном участке поймы р. Оки за северной окраиной села Саяны с правой стороны дороги, ведущей в с. Хужир. Пункт 2 включал 8 могил, отмеченных крупными курганами (до 6 м в диаметре) (Миягашев, 2012. Л. 23–25)².

Могильники Шарза 1, Шарза 2 и Шарза 3 объединены Д. А. Миягашевым в один объект – Шарза. Могильник (средневековье) – и получил наименование пункт 1, пункт 2 и пункт 3. При этом координаты границ пункта 3 (Шарза 3) были указаны неверно (Миягашев, 2012. Л. 33)². Их местоположение локализуется на 960 м юго-западнее реального пункта расположения могильника. Ошибочные координаты приведены и для могильника Шара-Тала, локализующиеся в 3,6 км северо-западнее истинного места нахождения этого памятника (Миягашев, 2012. Л. 36)². Они соответствуют положению другого археологического объекта – Сондинто 1, который Д. А. Миягашев перепутал с могильником Шара-Тала.

Из трех групп археологических объектов, обозначенных Б. Б. Дашибаловым как могильники, наиболее представительно выглядели комплексы с круглыми курганообразными кладками, по своим размерам превышающими другие памятники – с овальными и небольшими круглыми кладками. Именно их решено было исследовать в первую очередь в 2020–2021 гг., в надежде на получение достаточного количества материала, необходимого для

создания предварительной культурно-хронологической схемы истории Окинского плоскогорья.

В 2020 г. под руководством А. В. Харинского предприняты работы на археологическом объекте Шаснур 3. На нем выявлено 3 археологических комплекса, обозначенных на поверхности земли каменными кладками. На месте комплекса № 1 заложен раскоп 7 х 7 м. С его помощью исследована круглая курганообразная кладка диаметром 5,5 м. Раскопом 5 х 5 м вскрыт комплекс № 2 с плоской кладкой круглой формы диаметром 4 м. Оба сооружения, вероятно, были ритуальными конструкциями. Под ними не зафиксировано следов захоронений. Их каменные кладки сооружены на месте неолитических стоянок, поэтому на площади раскопа зафиксированы изделия из камня, фрагменты неолитической керамической посуды и костей животных. Предварительно время сооружения комплексов № 1 и № 2 определено серединой I тыс. до н. э. – серединой II тыс. н. э. (Харинский, 2021)³.

В этом же году М. А. Портнягиным проведен осмотр пункта 1 археологического объекта Ока 1. Проведено координирование всех каменных конструкций памятника, их описание и фотофиксация. Выявлены две новых конструкции из камня, которые ранее не отмечались предыдущими исследователями памятника (Портнягин, 2021)⁴.

Разведочные и раскопочные работы, проводившиеся в течение нескольких десятилетий на территории Окинского района, не дали возможности сформировать четкие представления о хронологии, культурной принадлежности и функциональном назначении большинства археологических комплексов, обозначенных на поверхности земли каменными кладками. Подобная ситуация требовала даль-

³ Харинский А. В. Отчет о раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Шаснур. Могильник» в Окинском районе Республики Бурятия в 2020 г. Открытый лист № 1217-2020, выдан 27 июля 2020 г. Иркутск, 2021. Архив ИА РАН. Р.1. 71 л.

⁴ Портнягин М. А. Отчет о проведении археологических разведочных работ на территории Тункинского и Окинского районов Республики Бурятия в 2020 г. Открытый лист № 1004-2020, выдан 16 июля 2020 г. Иркутск, 2021. Архив ИА РАН. Р. 1. 90 л.

нейших исследований памятников этого типа, которые и были предприняты в 2021 г.

Ока 1

В ходе разведочных работ 2012 г. Д. А. Миягашев пришёл к заключению, что археологический объект Ока 1, именованный Б. Б. Дашибаловым Саяны 1, включает в свой состав каменные курганы куполообразной формы диаметром до 6 м, похожие на курганы-херексуры эпохи бронзы. Также на нем отмечены кладки кольцеобразной формы с западиной в центре, сложенные из грубо обломанных камней диаметром до 4 м, похожие на рядовые хуннские кладки. В ходе частных визитов этот памятник осматривали П. Б. Коновалов и А. Д. Цыбиктаров. По их мнению, в его составе имеются как средневековые кладки, так и курганы-херексуры и хуннские могилы. Расположение комплексов с каменными кладками к северу и югу от с. Саяны побудило Д. А. Миягашева разделить объект на 2 пункта. Южный из них получил наименование Ока, пункт 1, северный – Ока, пункт 2 (Миягашев, 2012. Л. 23)². Для унификации наименований археологических объектов Окинского района мы предлагаем первый из пунктов именовать как Ока 1, а второй пункт – Ока 2.

Археологический объект Ока 1 расположен на высокой, покрытой степной растительностью террасе левого берега р. Оки, к югу от села Саяны (рис. 1). К западу от территории памятника проходит грунтовая дорога, следующая из с. Орлик в с. Хужир. Отходящая от нее в сторону с. Саяны проселочная дорога пересекает северо-западную часть памятника. Еще одна проселочная дорога проходит вдоль обрыва, спускающегося к реке, в восточной части памятника. Размер территории археологического объекта 315 x 660 м, её высота над уровнем моря составляет 1294–1300 м. К настоящему времени на памятнике фиксируется 17 искусственных каменных кладок (рис. 2; 3; табл. 1).

Отдельного внимания заслуживает комплекс 15. Он располагается между просёлочными дорогами на южной окраине пос. Саяны (рис. 4; 5.1). Кладка комплекса состоит из кольца диаметром 27 м и расположенного внутри него кургана диаметром 16,5 м. Внутри насыпи фиксируются следы старого раскопа четырёхугольной формы размером

5,5 x 3,5 м, ориентированного длинной осью по азимуту 290° (рис. 5.2). Кладка подверглась разрушению, поэтому полностью реконструировать ее детали проблематично. Кольцо сложено в один ряд из камней размером от 35 x 20 см до 40 x 30 x 30 см, между которыми находятся более мелкие камни. Размеры камней кургана от 15 x 10 см до 50 x 25 см.

В пространстве между курганом и кольцом кладки на некоторых участках фиксируются выкладки из камней. В западной части кладки располагается конструкция размером 4,4 x 2,3 м, ориентированная по азимуту 36°. Она состоит из камней размером от 24 x 10 до 60 x 30 см. Возможно, первоначально конструкция имела более четкие очертания и была представлена лучами, соединяющими кольцо с насыпью.

В восточной части конструкции между кольцом и насыпью фиксируются выкладки из камней, напоминающие лучи. Самый северный из них, длиной 4 м и шириной 1,7 м, ориентирован по линии 260°. В 1,7 м к югу от него второй луч, длиной 3 метра, шириной 1,8 м, ориентирован по линии 274°. С южной стороны кладки также фиксируется два луча. Размер восточного 1,6 x 1,2 м, ориентирован по линии 0°. В 3,4 м от него другой луч 2,6 x 1,2 м, ориентирован по линии с азимутом 33°.

Среди камней кладки располагаются 7 листовенниц. В центре грабительского раскопа находятся 5 листовенниц, в северной части кургана произрастает еще одна листовенница и одна высохшая листовенница располагается в его восточной части. В 2 м к северо-западу от кладки установлена деревянная опора ЛЭП.

Большая часть каменных конструкций на памятнике Ока 1 имеет круглую курганообразную форму (12 комплексов) диаметром 2,5–6 м. Также отмечены овальные курганообразные кладки (комплексы 5, 7, 16), размером от 3 x 4 м до 4,5 x 5,0 м, овальная плоская кладка (комплекс 9) 2 x 3,5 м, и круглая плоская кладка (комплекс 14), диаметром 7 м. В северо-восточной части археологического объекта располагалась кладка, состоявшая из кольца диаметром 27 м и расположенной посреди него курганной насыпи диаметром 16,5 м. По своим конструктивным особенностям эта кладка напоминает херексуры (керексуры) – погребальные и поминальные конструкции, распространенные на территории Монголии и Южной Сибири (Алтай, Тува

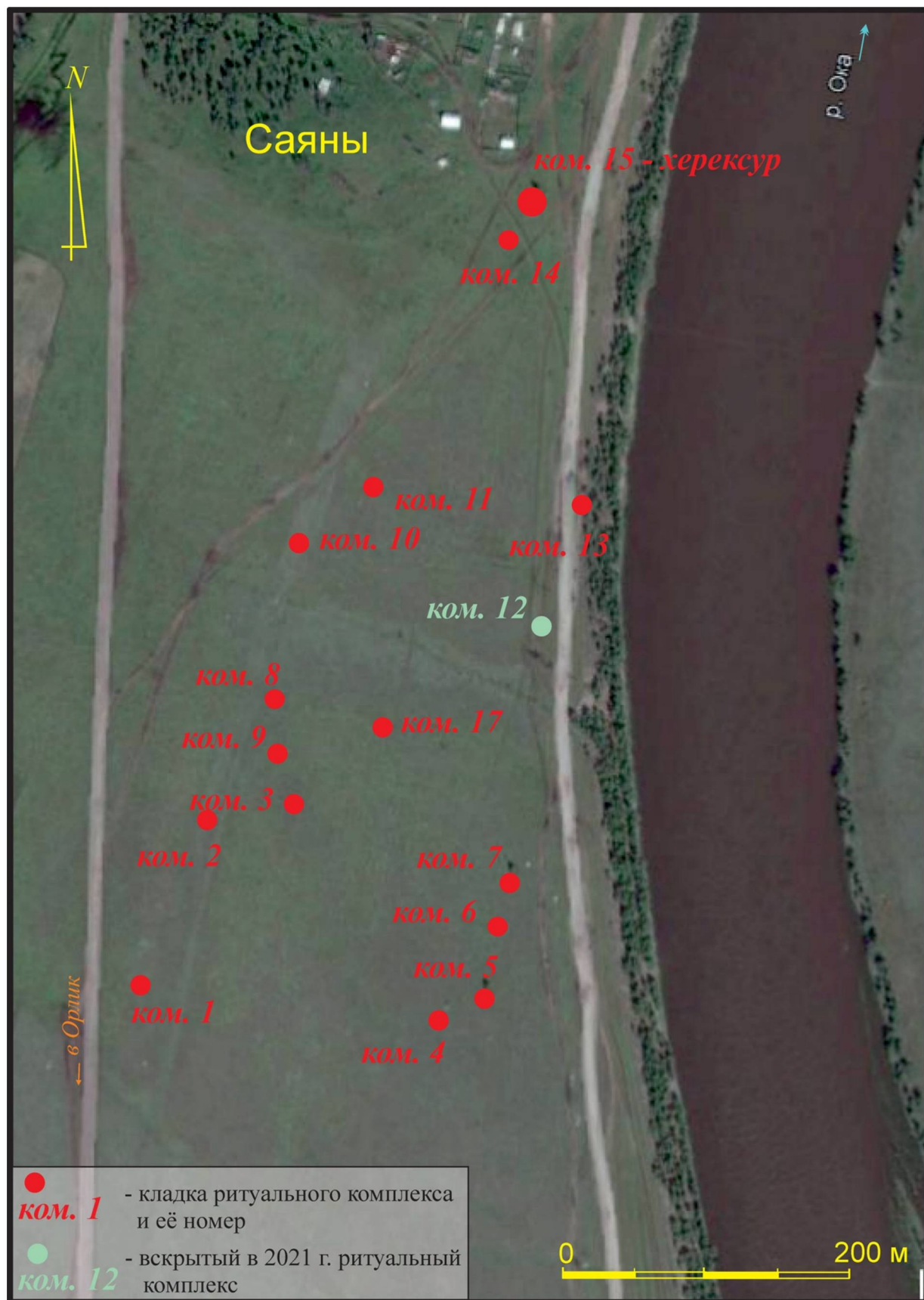

Рис. 2. Спутниковый снимок ритуального комплекса Ока 1, 2021 г.
 Fig. 2. Satellite image of the Oka 1 ritual site, 2021

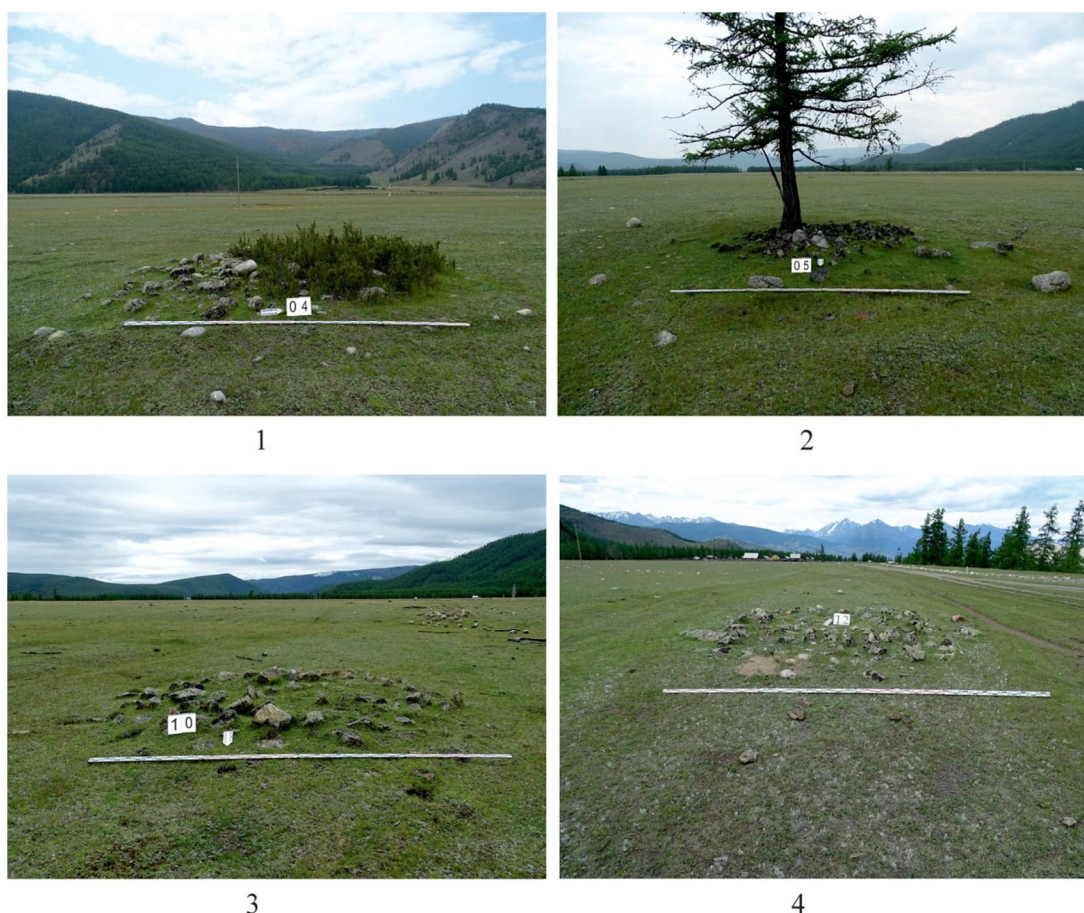

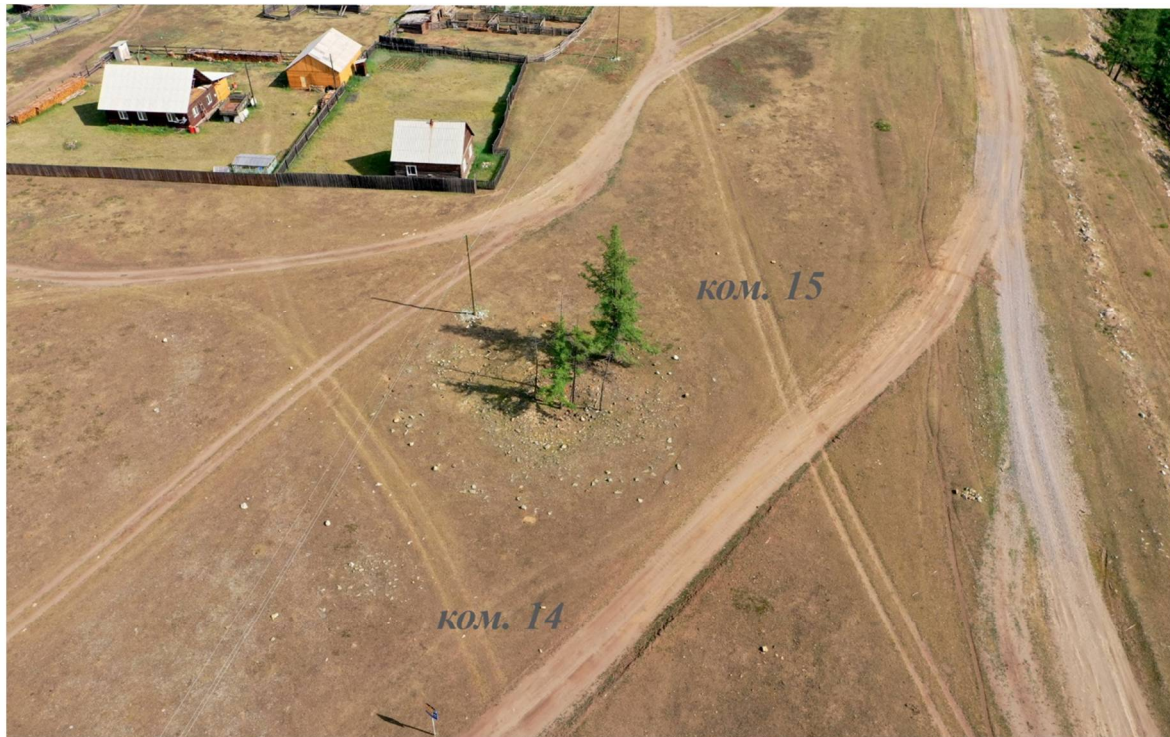
Рис. 3. Ока 1: 1 – комплекс 4, снято с востока; 2 – комплекс 5, снято с севера; 3 – комплекс 10, снято с севера; 4 – комплекс 12, снято с юга

Fig. 3. Oka 1 site: 1 – structure No. 4, photo from the east; 2 - structure No. 5, photo from the north; 3 - structure No. 10, photo from the north; 4 - structure No. 12, photo from the south

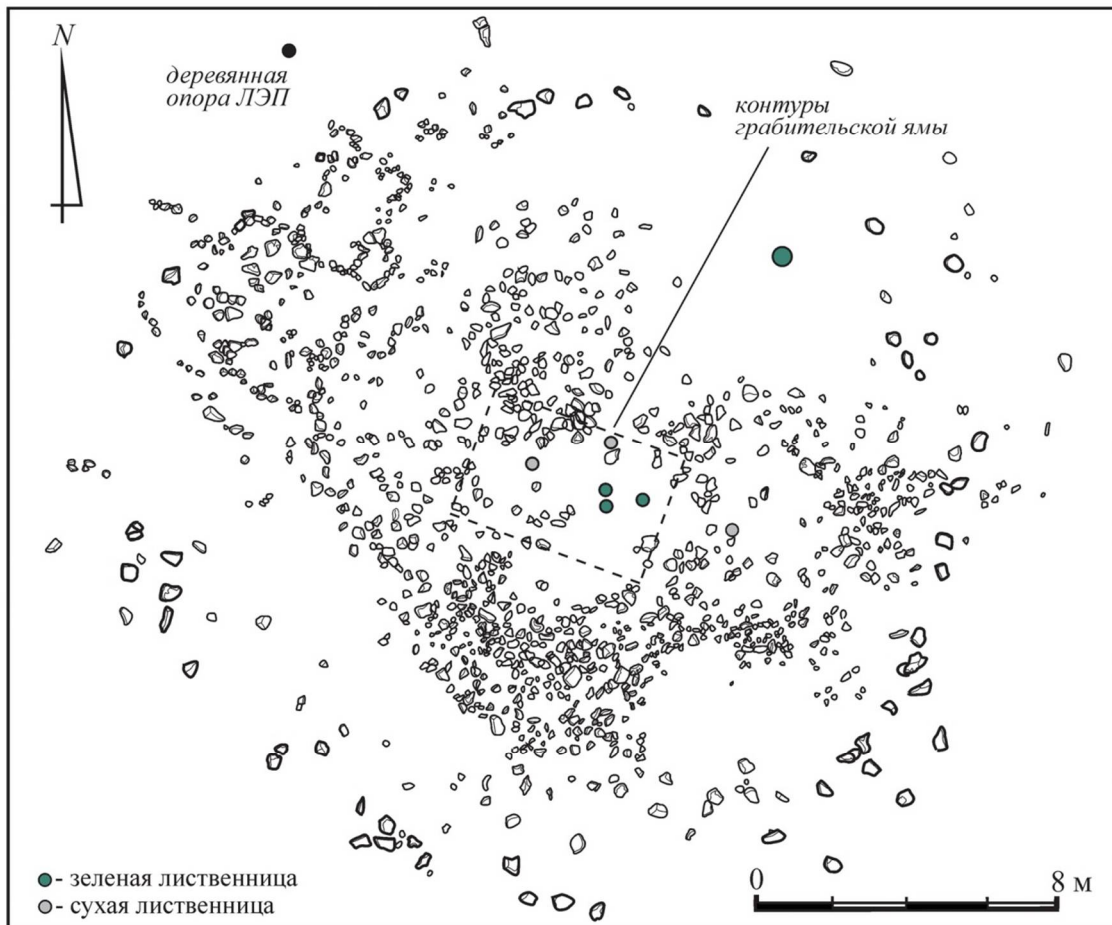
Таблица 1. Характеристика курганов ритуального комплекса Ока 1

Table 1. Characteristics of the burial mounds of the Oka 1 ritual complex

№ кургана	Форма	Размеры / диаметр, м	Вытянутость по длинной оси	Размеры западины в центре кладки, м	Вытянутость западины по длинной оси
1	круглая	5,5	–	–	–
2	круглая	6	–	–	–
3	круглая	2,5	–	–	–
4	круглая	4,5	–	+	–
5	овальная	3 x 4	СВ–ЮЗ	–	–
6	круглая	6	–	2,5 x 1	З–В
7	овальная	4,5 x 5	СВ–ЮЗ	–	–
8	круглая	3	–	–	–
9	овальная	3,5 x 2	СВ–ЮЗ	–	–
10	круглая	5	–	–	–
11	круглая	3,5	–	–	–
12	круглая	4,5	–	–	–
13	круглая	4	–	+	–
14	круглая	7	–	–	–
15	круглая	16,5 (27)	–	5,5 x 3,5	ЗСЗ–ВЮВ
16	овальная	3,5 x 4,5	ССВ–ЮЮЗ	–	–
17	круглая	2,5	–	–	–

1

2

Рис. 4. Ока 1: 1 – комплексы 14 и 15, снято сверху с юга; 2 – план каменной кладки комплекса 15

Fig. 4. Oka 1site: 1 - structure No. 14 and structure No. 15, top photo from the south; 2 - plan of stone pavement of structure No. 15

1

2

Рис. 5. Ока 1, комплекс 15: 1 – снято с юга; 2 – центральная часть, снято с востока
Fig. 5. Oka 1 site, structure No. 15: 1 - photo from the south; 2 - central part of pavement, photo from the east

и юго-западное Забайкалье). Возможно, комплекс 14, лежащий к юго-западу от херексура, является сопровождающей его кладкой, под которой, обычно находят останки домашних копытных животных. У остальных комплексов Оки 1 не наблюдается какой-либо закономерности в расположении.

Раскопки комплекса 12

Для решения вопросов хронологии, культурной принадлежности и конструкции комплексов Оки 1, было решено вскрыть один из них. Для этого был выбран комплекс № 12, у кладки которого не зафиксированы следы разрушения. На месте кладки заложен раскоп 5,5 x 6,0 м, ориентированный длинными стенками по линии север-юг. Для фиксации конструктивных особенностей кладки комплекса (устройство каменной конструкции и т. д.), использовались профильные линии (бровки) А-В и С-Д шириной до 30 см. Бровка А-В пересекала каменную конструкцию по линии северо-запад – юго-восток, бровка С-Д по линии северо-восток – юго-запад. После выхода на уровень основания кладки бровки разбирались с зарисовкой и фиксацией находящихся в них камней, артефактов и т. д. Для счёта высотных отметок использовался репер Р-1, располагавшийся в 3,3 м к северу от раскопа.

После расчистки кладки выяснилось, что она имеет форму круга диаметром 5 м. Конструкция сложена из камней размером от 12 x 20 см до 35 x 50 см. Камни располагаются в 1–3 слоя. Мощность конструкции достигает 30 см. Ряд камней укладывался на кладку намного позже времени ее сооружения. Это относится, например, к самому крупному камню конструкции размером 50 x 75 см, расположенному в её северо-западной части (рис. 6.1). Нижний уровень камней кладки образовывал конструкцию овальной формы, размером 3,5 x 4,5 м, ориентированную длинной осью по линии с азимутом 35°. С северо-западной стороны к ней был сделан четырехугольный пристрой размером 1,0 x 1,5 м. Между камнями кладки в северо-западной части конструкции обнаружен позвонок мелкого рогатого скота, а в центре кладки под камнями зафиксированы фрагменты древесины (рис. 6.2; 7.1).

В районе комплекса 12 отмечена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 6.3; 7.2,3):

1. Дёрн мощностью 3–5 см.
2. Тёмно-серая супесь мощностью 10–25 см.
3. Светло-коричневая супесь вскрыта на 25 см.

Кладка комплекса заложена из основания тёмно-серой супеси. Камни, которые укладывались на конструкцию позже времени ее сооружения, залежали в кровле этого слоя.

После снятия камней кладки каких-либо свидетельств о наличии под ними искусственных углублений, сооружений из дерева или камня, наличия костей и артефактов зафиксировано не было (рис. 6.4).

Ока 2

Археологический объект Ока 2 расположен на высокой, покрытой степной растительностью террасе левого берега р. Оки, к северу от села Саяны, на высотных отметках 1280–1290 м над уровнем океана (рис. 1). К западу от территории памятника проходит грунтовая дорога, следующая из с. Орлик в с. Хужир. Несколько проселочных дорог пересекают территорию памятника с юго-востока на северо-запад, следуя из с. Саяны в сторону с. Хужир. С юга на север через нее проложена ЛЭП. Размер территории археологического объекта 750 x 930 м.

Впервые территория памятника была описана в 1994 г. Б. Б. Дашибаловым. На северо-западной окраине поселка им зафиксировано 4 круглых кургана. Они располагались по краю поймы вдоль невысокой террасы, поросшей молодым лиственничным лесом. Один из курганов находился в ограде крайнего строящегося дома. Курганы этой группы растянулись почти до крутого каменного утеса, расположенного за колхозной заправкой. Насыпи курганов круглой формы выложены из плотно задернованных окатанных, а также грубо обломанных камней (Дашибалов, 1994. Л. 4)¹.

Следующее скопление каменных кладок отмечено исследователем в 500 м к северо-востоку от первой группы. Оно состоит из 6 больших курганов и двух маленьких кладок. Эти курганы располагались в центре поймы и были равноудалены от реки и каменного утеса. Между двумя крайними восточными курганами находились две небольшие овальные кладки, выложенные из валунов. Самый ближний к реке курган ограблен. Два крупных кургана находились в 150–200 м к северо-западу от основной части курганов этой группы.

Третья группа состояла из 8 курганов, находившихся в 400 м на запад от второй группы. Она располагалась к югу от высокой террасы, вытянутой амфитеатром в сторону р. Оки. Курганы находились за изгородью по обе стороны грунтовой дороги, ведущей в Улан-Оку. Два кургана сложены вплотную друг к другу и образуют восьмеркообразную конструкцию, вытянутую по линии запад – восток. На трех курганах выросли деревья (Дашибалов, 1994. Л. 5)¹.

К настоящему времени на памятнике фиксируется 17 искусственных каменных кладок, располагающихся тремя группами (рис. 8; 9; табл. 2). Южная группа соответствует первой группе, выделенной Б. Б. Дашибаловым. В нее входят две искусственные каменные конструкции вместо четырех, отмеченных Б. Б. Дашибаловым. Восточная группа кладок соотносится со второй группой, выделенной

Б. Б. Дашибаловым. В ней отмечено 7 каменных конструкций, а не 8, как у Б. Б. Дашибалова. Северо-западная группа кладок соответствует третьей группе. Она включает 8 кладок.

На археологическом объекте Ока 2 зафиксировано 8 каменных конструкций круглой курганообразной формы диаметром 4,0–5,8 м, 6 конструкций овальной курганообразной формы размером от 2,8 x 3,6 м до 6 x 7 м, 1 овальная плоская кладка размером 2,2 x 3,6 м и 2 малых овальных кладки размером 1,4 x 2,0 и 2,0 x 2,3 м. Комплексы с каменными кладками на памятнике Ока 2 разделяются на три локальные группы. Две круглые курганообразные кладки памятника раскапывались в 1870 г. П. А. Ровинским. Одной из раскопанных им кладок, вероятно, является каменная конструкция комплекса 3. Местоположение другой кладки установить не удалось. Под каменными конструкциями

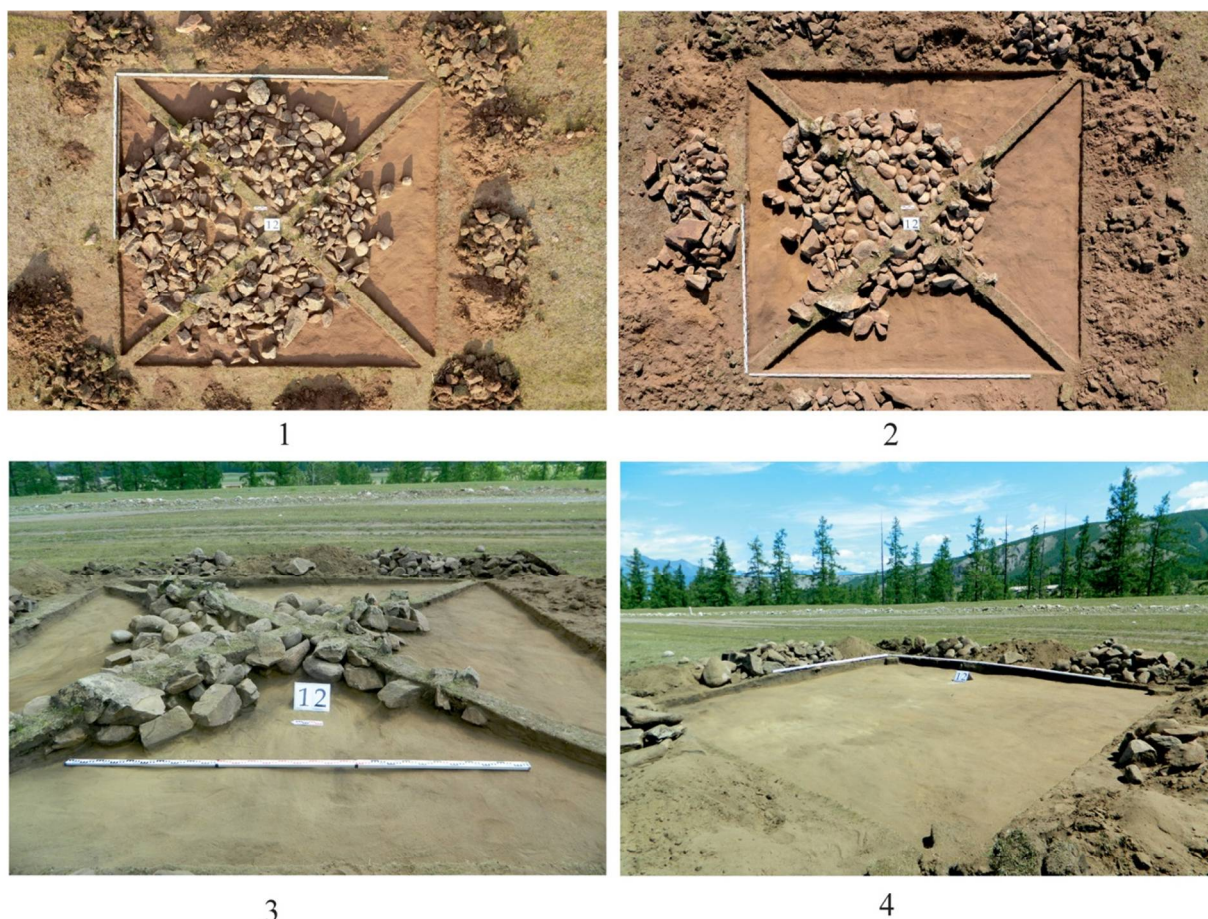

Рис. 6. Ока 1, комплекс 12: 1 – кладка после расчистки, снято сверху, верхний уровень камней; 2 – нижний уровень камней кладки, снято сверху; 3 – нижний уровень камней кладки, снято с запада; 4 – зачистка земли под кладкой комплекса, снято с юго-запада

Fig. 6. Oka 1 site, structure No. 12: 1 - stone pavement after clearing, upper level of stones, photo from above; 2 - lower level of the stone pavement, photo from above; 3 - lower level of the stone pavement, view from the west; 4 - clearing the ground under the stone pavement of the structure, view from the southwest

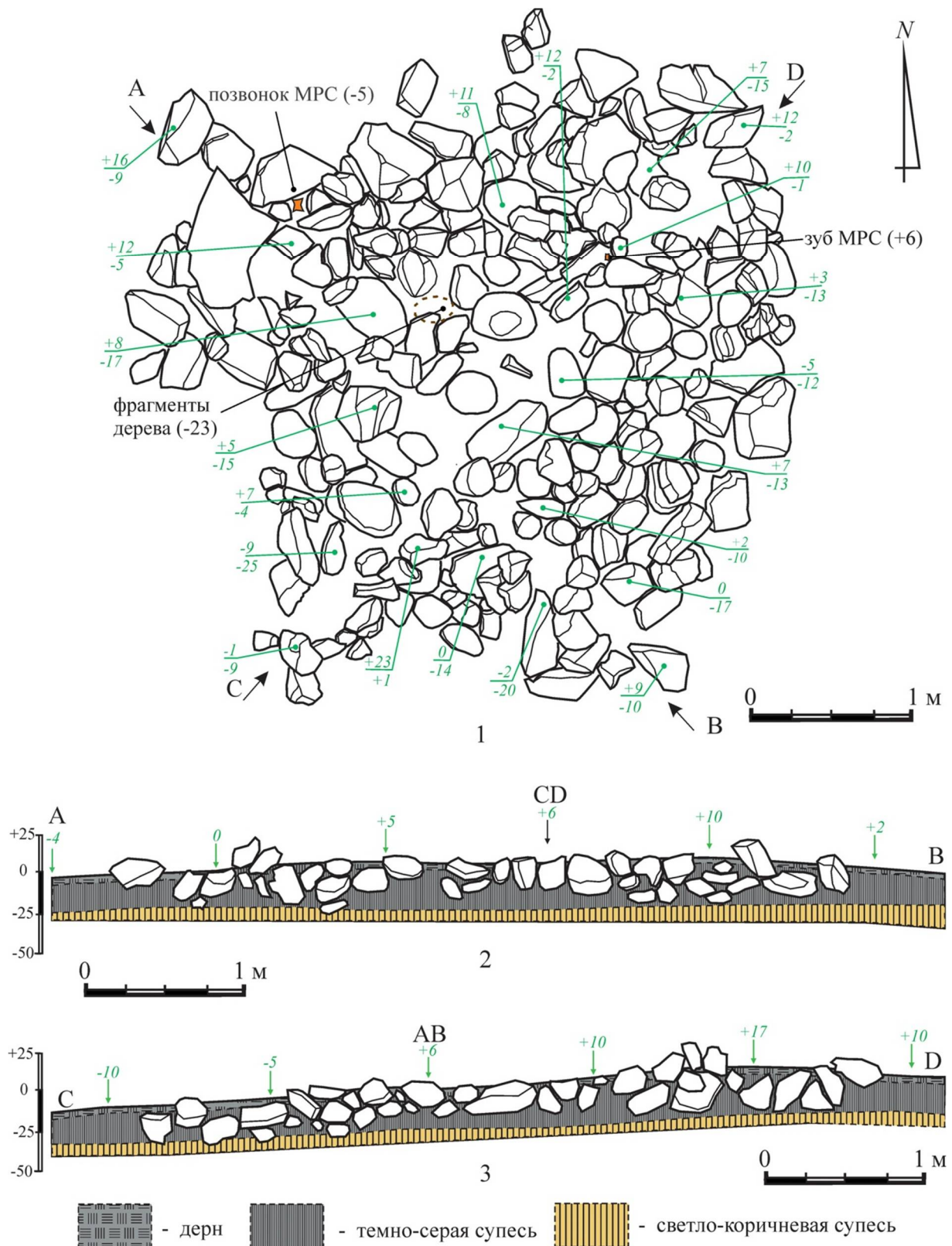

Рис. 7. Ока 1, комплекс 12: 1 – нижний уровень камней кладки; 2 – разрез комплекса 12 по линии северо-запад – юго-восток; 3 – разрез комплекса 12 по линии юго-запад – северо-восток
Fig. 7. Oka 1 site, structure No. 12: 1 - lower level of the stone structure; 2 - section of structure No. 12 along the line northwest – southeast; 3 - section of structure No. 12 along the line southwest - northeast

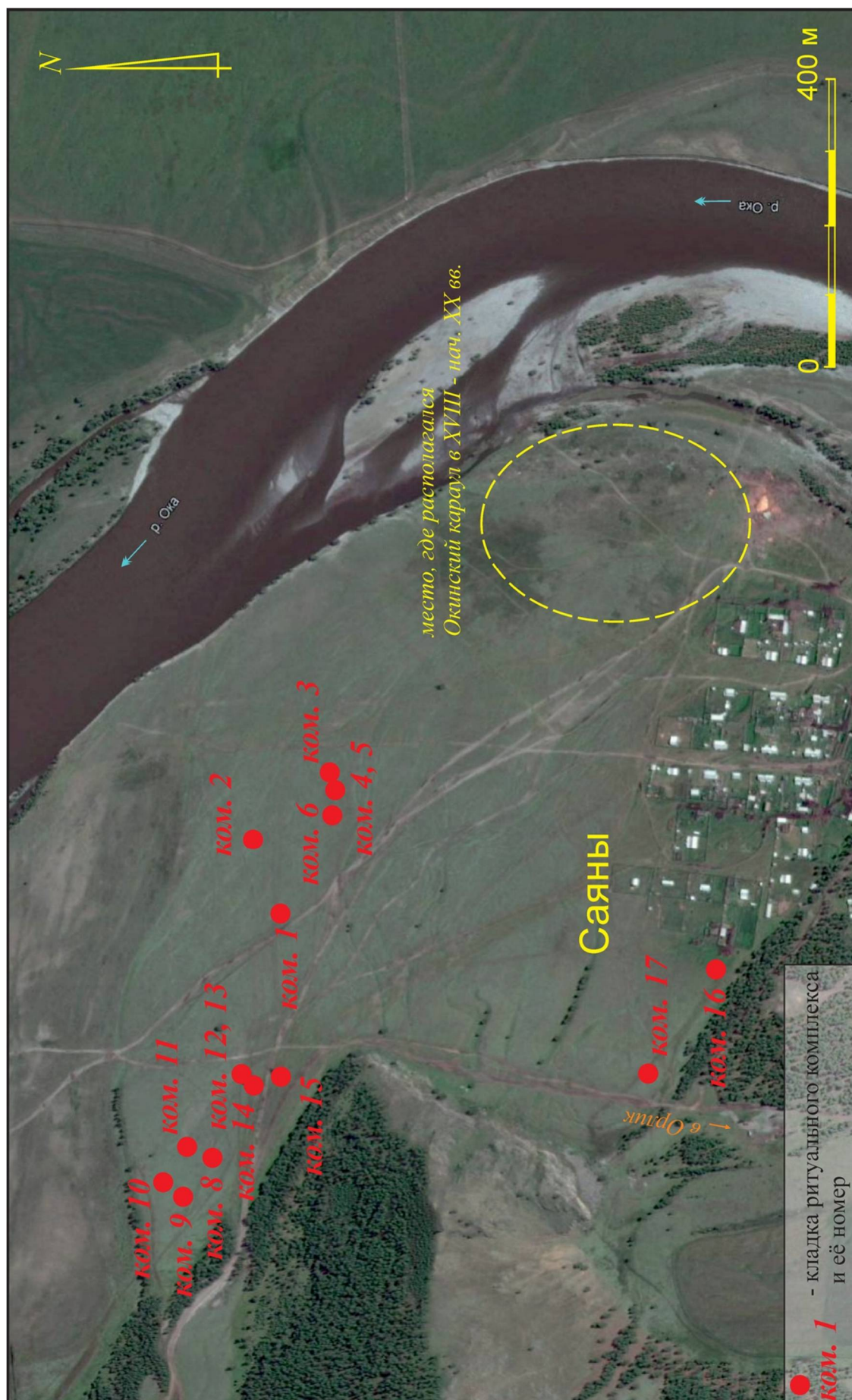

Рис. 8. Спутниковый снимок ритуального комплекса Ока 2, 2021 г.
Fig. 8. Satellite image of the Oka 2 ritual site, 2021

Рис. 9. Ока 2: 1 – комплекс 1, снято с юга; 2 – комплекс 3, снято с юга; 3 – комплекс 4, снято с севера; 4 – комплекс 8, снято с юга; 5 – комплекс 10, снято с юга; комплекс 17, снято с севера

Fig. 9. Oka 2 site: 1 - structure No. 1, photo from the south; 2 - structure No. 3, photo from the south; 3 - structure No. 4, photo from the north; 4 - structure No. 8, photo from the south; 5 - structure No. 10, photo from the south; structure No. 17, photo from the north

П. А. Ровинским не обнаружено каких-либо находок и искусственных конструкций или углублений.

Шара-Тала 1

Для определения возраста и культурной принадлежности археологических объектов с кургано-

образными кладками из камня требовалось проведение более масштабных исследований этих памятников. В связи с этим было принято решение раскопать два комплекса с курганообразными кладками в нижнем течении реки Сенцы на памятниках Шара-Тала 1 и Сондинто 1 (рис. 1).

Таблица 2. Характеристика курганов ритуального комплекса Ока 2

Table 2. Characteristics of the burial mounds of the Oka 2 ritual complex

№ кургана	Форма	Размеры / диаметр, м	Вытянутость по длинной оси	Размеры / диаметр западины в центре кладки, м	Вытянутость западины по длинной оси
1	овальная	3 x 4,3	Ю–С	–	–
2	круглая	4	–	–	–
3	круглая	5,8	–	2	–
4	овальная	1,4 x 2	ЗСЗ–ВЮВ	–	–
5	овальная	2 x 2,3	ЗСЗ–ВЮВ	–	–
6	овальная	4,8 x 6,1	ЗЮЗ–ВСВ	–	–
7	круглая	4,8	–	–	–
8	круглая	4	–	–	–
9	круглая	4	–	1,5	–
10	круглая	4	–	–	–
11	овальная	2,2 x 3,6	ЮЗ–СВ	–	–
12	овальная	2,8 x 3,6	Ю–С	–	–
13	овальная	4,5 x 5,2	Ю–С	–	–
14	овальная	5,5 x 6,4	Ю–С	2	–
15	овальная	6 x 7	ЮЗ–СВ	3 x 4	ЮЗ–СВ
16	круглая	5	–	–	–
17	круглая	4	–	–	–

Археологический объект Шара-Тала 1 находится в 7,1 км к юго-востоку от улуса Шаснур, на левом берегу р. Сенцы, в 1 км к северо-западу от летника Шара-Тала. Памятник представлен одиночной курганообразной каменной кладкой, расположенной на террасовидной незалесенной площадке, в 240 м к востоку от реки и к югу от проселочной дороги, следующей из с. Саяны в улус Шаснур. Диаметр кладки, зафиксированный до начала раскопочных работ, составлял 4 м. Она состояла из камней размером от 11 x 16 см до 47 x 58 см.

На месте расположения кладки заложен раскоп размером 4,5 x 5,5 м, ориентированный длинной осью по линии запад – восток. Для изучения конструктивных особенностей комплекса использовались профильные бровки А-В и С-Д шириной до 30 см. Бровка А-В пересекала каменную конструкцию по линии северо-запад – юго-восток, бровка С-Д по линии северо-восток – юго-запад. Для отсчета высот во время археологических раскопок, в 6 м от юго-восточного угла раскопа был установлен репер Р-1.

В ходе раскопочных работ была расчищена конструкция кладки. Она – четырехугольной формы размером 4,5 x 5,5 м, ориентирована длинной осью по линии север-юг (рис. 10.1; 11.1). В центре кладки камни располагаются в 2–3 слоя, по краям в один

слой. Мощность конструкции в центре составляет 50 см (рис. 11.2)

В районе раскопа зафиксирована следующая стратиграфическая ситуация (рис. 11.3, 4):

1. Дёрн мощностью 3–5 см.
2. Тёмно-серая супесь мощностью 10–15 см.
3. Светло-коричневая супесь мощностью 5–15 см.
4. Жёлтая супесь со скальной крошкой вскрыта на 5 см.

Каменная кладка заложена с основания слоя светло-коричневой супеси.

Под камнями кладки в слое светло-коричневой супеси обнаружено несколько артефактов из кремня. Один из них – пластина, располагавшаяся под камнями в северной части кладки (рис. 10.2). Под камнями северо-западной части кладки выявлено скопление кремневых изделий, включающее 2 пластины (рис. 10.3, 4), 2 микропластины (рис. 10.5, 6) и 17 отщепов (рис. 10.6–10.8). Не исключено, что обнаруженные под кладкой изделия из камня имеют отношение к каменной конструкции Шара-Тала 1. Но полной уверенности в этом нет. Возможно, найденные артефакты соотносятся с культурным слоем неолитической стоянки, располагавшейся на надпойменной террасе р. Сенцы, и не связаны с дан-

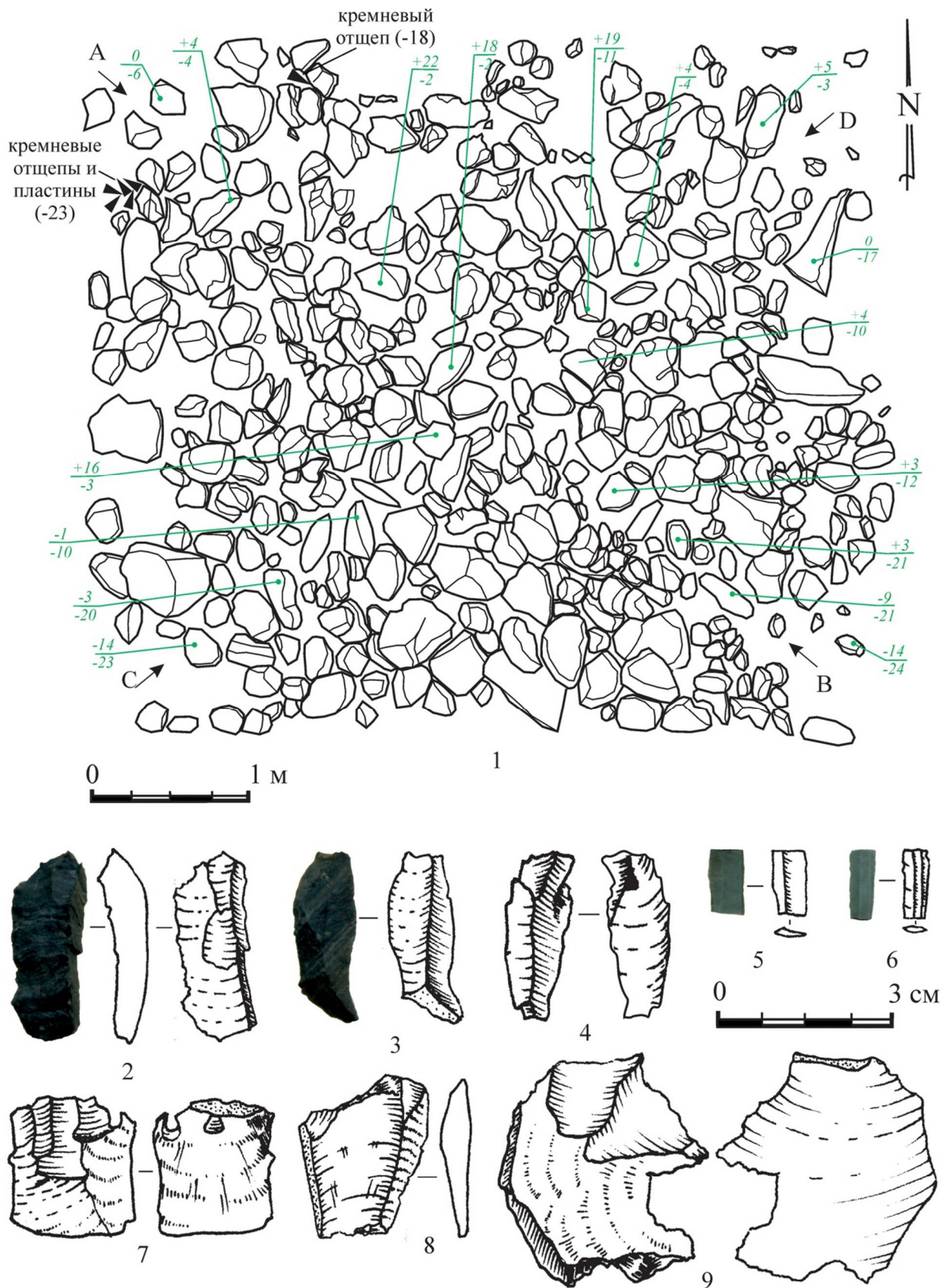

Рис. 10. Шара-Тала 1, комплекс 1: 1 – кладка после расчистки; 2–4 – кремневые пластины; 5, 6 – кремневые микропластины; 7–9 – кремневые отщепы
 Fig. 10. Shara-Tala 1 site, structure No. 1: 1 - stone pavement after clearing; 2-4 - flint blades; 5, 6 - flint microblades; 7-9 - flint flakes

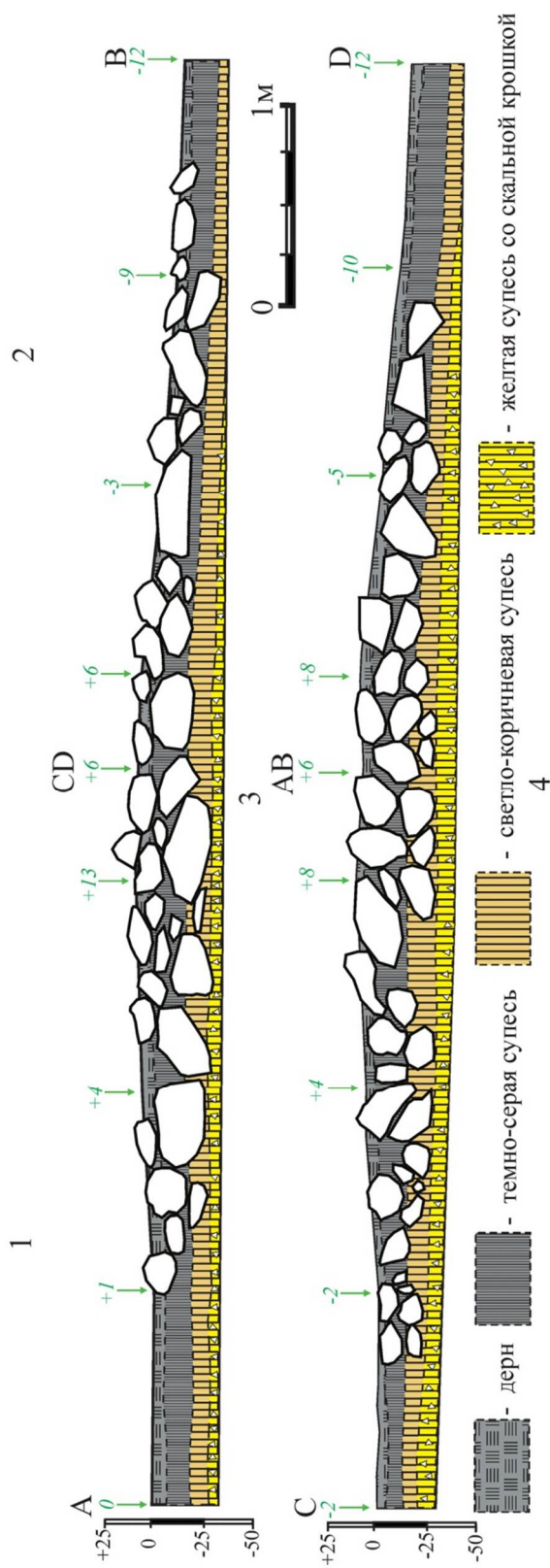

Рис. 11. Шара-Тала 1, комплекс 1: 1 – кладка после расчистки, снято с востока; 2 – стратиграфические разрезы кладки, снято с юга; 3 – разрез комплекса 1 по линии северо-запад – юго-восток; 4 – разрез комплекса 1 по линии северо-восток – юго-запад

Fig. 11. Shara-Tala 1, structure No. 1: 1 - stone pavement after clearing, photo from the east; 2 - stratigraphic sections of the stone pavement, photo from the south; 3 - section of structure No. 1 along the line northwest - southeast; 4 - section of structure No. 1 along the line northeast - southwest

ной конструкцией. Правда, поблизости от раскопа находки неолитического времени обнаружены не были, что ставит под сомнение наличие вблизи раскопа неолитической стоянки.

После снятия камней кладки каких-либо искусственных конструкций или углублений под ними выявлено не было.

Сондинто 1

Археологический объект Сондинто 1 находится в 3,8 км к востоку от улуса Шаснур, на левом берегу р. Сенцы, в 500 м к юго-востоку от зимника Сондинто. Памятник представлен одиночной курганообразной каменной кладкой, расположенной на незалеженной террасовидной площадке, в 120 м к северо-востоку от реки и в 30 м к югу от проселочной дороги, следующей из с. Саяны в улус Шаснур. Диаметр кладки, зафиксированный до начала раскопочных работ, составлял 5,1 м. В центре конструкции фиксировалась небольшая западина диаметром около 70 см и глубиной 15 см (рис. 12.1).

На месте кладки археологического объекта заложен раскоп 6 х 6 м, ориентированный стенками по сторонам света. Для изучения конструктивных особенностей раскапываемого объекта использовались профильные бровки А-В и С-Д шириной до 30 см. Бровка А-В пересекала каменную конструкцию по линии запад – восток, бровка С-Д по линии север-юг. Для отсчета высот во время археологических раскопок, в 16 м от юго-восточного угла раскопа был установлен репер Р-1.

После расчистки выяснилось, что диаметр кладки составляет около 5,5 м (рис. 12.2). Она сложена из камней преимущественно округлой (окатанной) формы в 1–3 слоя (рис. 13.1). Размеры камней варьируют от 16 х 12 х 6 см до 65 х 37 х 21 см. В центральной части кладки отмечен провал грунта; количество камней в этой части также незначительно, что может свидетельствовать о нарушении каменной конструкции еще в древности (возможно, в целях ограбления). В процессе расчистки каменной конструкции на разных уровнях среди камней отмечены фрагменты костей животных. Не исключено, что они попали в кладку уже после её сооружения.

В районе кладки обнаружена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 13.2,3):

1. Дерн мощностью 3–5 см.

2. Легкий гумусированный суглинок темно-серого цвета мощностью 10–25 см.

3. Легкий бурый суглинок мощностью 10–15 см.

4. Желтый суглинок со скальной крошкой вскрыт на 20 см.

Кладка заложена из подошвы слоя легкого гумусированного суглинка темно-серого цвета. Под самой кладкой каких-либо фрагментов костей, контуров могильной ямы или же выделяемой визуальнo каменной конструкции не обнаружено.

Под юго-восточной частью кладки, на контакте темно-серого и бурого суглинка найден кремневый отщеп (рис. 12.3). Его отношение к кладке из камня не совсем понятно. Возможно, он является одним из элементов культурного слоя неолитической стоянки, которая могла располагаться на надпойменной террасе р. Сенцы, но свидетельств этой стоянки к настоящему времени не обнаружено.

Обсуждение

В ходе археологических работ, предпринятых на территории Окинского района Бурятии в 2020–2021 гг. сотрудниками Иркутского национального исследовательского технического университета, было обследовано 5 археологических объектов, на которых располагались курганы из камня. Материалы раскопок на памятнике Шаснур 3 были уже опубликованы (Ташак, Харинский, Портнягин, 2021), а данные исследований на археологических объектах Ока 1, Ока 2, Шара-Тала 1, Сондинто 1 представлены в этой статье.

В состав памятников Шаснур 3, Шара-Тала 1 и Сондинто 1 входит по одному кургану круглой формы. Ока 1 включает 12 круглых и 3 овальных кургана, Ока 2 – 8 круглых и 6 овальных курганов. На археологических объектах Шаснур 1, Ока 1 и Ока 2 курганообразные кладки из камней соседствуют с другими разновидностями каменных кладок. На Оке 1 и Оке 2, на которых представлено несколько разных видов кладок, не выявлено их отдельного расположения. Рядом находятся разные по форме каменные конструкции.

Все известные курганы из камня располагаются в открытой остепненной местности. Как правило, это высокие террасы рек Ока, Сенца или Жомболок. Недалеко от каменных конструкций проходят проселочные дороги, которыми, вероятно, пользовались еще в

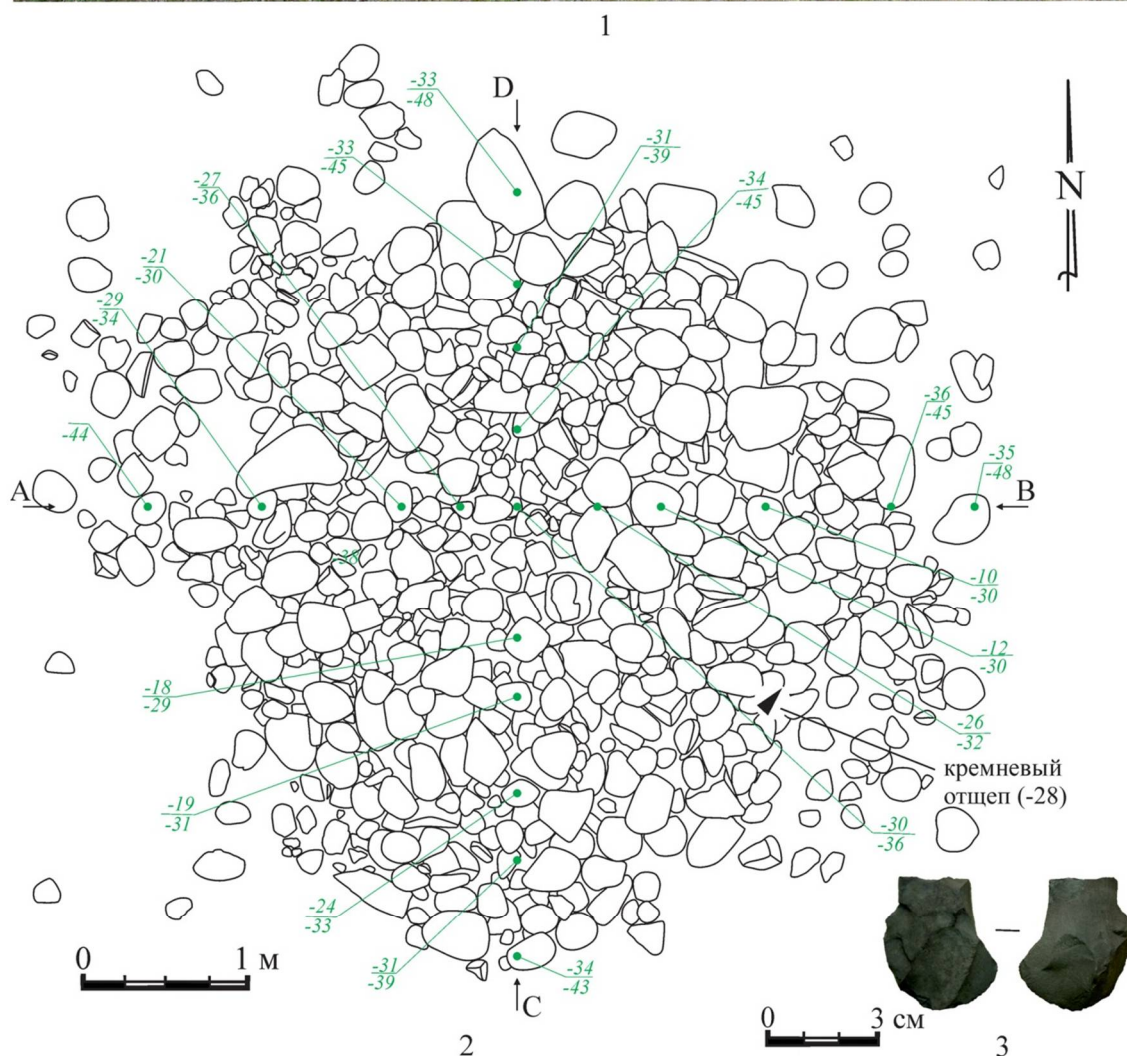
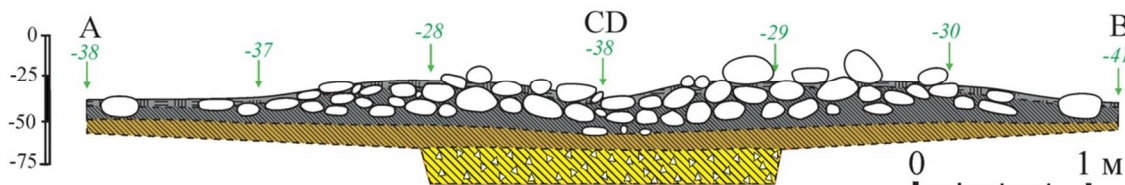

Рис. 12. Сондинто 1, комплекс 1: 1 – кладка до расчистки, вид с востока; 2 – кладка после расчистки; 3 – кремневый отщеп (-28)

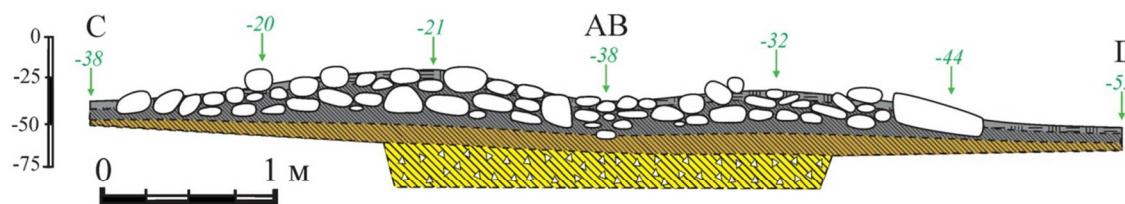
Fig. 12. Sondinto 1 site, structure No. 1: 1 - stone pavement before clearing, photo from the east; 2 - stone pavement after clearing; 3 - flint flake

1

2

3

Рис. 13. Сондинто 1, комплекс 1: 1 – стратиграфические разрезы кладки, снято с юго-востока; 2 – разрез комплекса 1 по линии запад-восток; 3 – разрез комплекса 1 по линии север-юг

Fig. 13. Sondinto 1 site, structure No. 1: 1 - stratigraphic sections of the stone pavement, photo from the southeast; 2 - section of structure No. 1 along the line west - east; 3 - section of structure No. 1 along the line north-south

древности. На большинстве из курганов отмечено наличие камней, которые были помещены на них намного позже времени сооружения этих конструкций. Ни под одной из курганообразных кладок не отмечены следы человеческих захоронений.

Вышеперечисленные факты могли бы служить основанием для характеристики курганообразных кладок как придорожных сооружений, посвященных духам местности и известным в Южной Сибири и Монголии под именем обо (обоо, овоо) (Герасимова,

1969; Манжигеев, 1978. С. 61–62; Галданова, 1987. С. 101). Для одиночных курганов Шаснур 3, Шара-Тала 1 и Сондинто 1 такая версия была бы вполне уместной, но для Оки 1 и Оки 2 она не подходит. Курганообразные насыпи этих памятниках располагаются на значительной территории и локализуются не только возле дорог. Подобного размещения каменных или деревянных конструкций обо нигде не зафиксировано.

Топография размещения окинских курганов не соответствует местоположению погребальных комплексов, известных на территории Предбайкалья, которые, как правило, локализуются у подножия холмов или гор, на их склонах или пологих вершинах. Из всех окинских курганов, обследованных в 2020–2021 гг., только Шара-Тала 1 находится у подножия горы. Но раскопные работы, проведенные на этом объекте, не подтвердили его погребальную направленность.

Под камнями кладок Шаснура 3, Шара-Тала 1 и Сондинто 1 обнаружены различные изделия из камня. Преимущественно, это не завершённые орудия, а элементы их производства. Подобный набор артефактов обычно встречается в культурном слое стоянок, поселений или мастерских. Не исключено, что вышеперечисленные курганы были сооружены на месте неолитических памятников. Но эта версия может быть подтверждена только для Шаснура 3, возле которого проводились шурфовочные работы и подтверждено наличие древних стоянок (Аржанников, Инешин, Аржанникова, Снопков, 2010). Возле Шара-Тала 1 и Сондинто 1 шурфовочные работы не проводились. На территории вокруг каменных конструкций не обнаружен подъемный археологический материал.

Одна из версий, объясняющая функциональное назначение круглых курганообразных кладок, уже выдвигалась (Ташак, Харинский, Портнягин, 2021). В статье, опубликованной в 2021 г., высказывается предположение о том, что «...плоские или курганообразные конструкции диаметром от 3 до 6 м, похожие на надмогильные кладки, можно характеризовать как кенотафы – имитацию погребальных сооружений. Они сооружались в память о человеке, останки которого не были доставлены к месту захоронения» (Ташак, Харинский, Портнягин, 2021. С. 151–152). Как правило, кенотафы имитируют погребальные конструкции. Их каменная кладка, яма и инвентарь по-

добны реальным прототипам из захоронений той культурной общности, которая их сооружала. Очень часто схожесть с погребальными конструкциями помогает датировать кенотафы, в которых отсутствуют артефакты. В нашем случае под круглыми курганообразными кладками отсутствовали какие-либо остатки ямы, сооружения из дерева или камней. Под кладкой комплекса 1 Шаснура 3 зафиксирована небольшая ямка, но вероятней всего она была оставлена грабителями, на следы деятельности которых указывает и частичное разрушение кладки.

Если все же считать окинские курганы из камня кенотафами и что они повторяли форму реальных погребальных конструкций, то в таком случае напрашивается мысль о том, были ли в погребальных конструкциях, синхронных им, могильные ямы. Может, представители общности, соорудившей курганообразные насыпи из камня, хоронили своих умерших на поверхности земли и сверху закладывали покойника камнями. Подобная версия, на наш взгляд, вполне уместна. Она также не противоречит ранее высказанной мысли о том, что под этими сооружениями могли захоранивать сумочку с волосами умершего (сондой), если его тело было невозможно доставить к месту погребения. Подобный обряд зафиксирован у окинских хонгодоров – нынешних жителей Окинского плоскогорья. Прясть волос, находившаяся в сумочке, срезалась с головы ребенка, когда ему исполнялся год. Для этого проводился специальный обряд милан. Сондой хранили в родительском доме, чаще всего у алтаря. «Когда человек надолго покидал родные места, он вешал на шею сондой со своими волосами, и этот мешочек становился оберегом. Он должен был поддерживать его связь с родственниками и Родной Землей и защищать от неприятностей. Когда человек умирал, мешочек с прядью волос хоронили вместе с ним» (Ташак, Харинский, Портнягин, 2021. С. 152).

Преимущественно кенотафы сооружали в связи с гибелью человека в бою или в результате несчастного случая, тело которого доставить на родину не представлялось возможным. Процесс сооружения кенотафа направлен на преодоление оппозиции «жизнь-смерть» и создание благоприятных условий в загробном мире для души умершего человека (Дашковский, Серегин, 2008. С. 95).

Можно высказать еще одно предположение относительно назначения окинских курганов из камня.

Верховья Оки являются прекрасным изолятом, окруженным со всех сторон высокими горами. На протяжении столетий на Окинском плоскогорье могли скрываться переселенцы из соседних районов. Не исключено, что некая культурная общность, переселившаяся в лесостепную часть долины р. Оки, решила здесь на некоторое время закрепиться. В составе их духовной культуры вполне могли присутствовать обряды, связанные с почитанием умерших предков. Естественно, что переместить на новую территорию могилы предков они не могли, но соорудить из камней их имитацию, им было вполне по силам. Благодаря этим сооружениям, они могли заручиться поддержкой духов предков и обращаться к ним за помощью в случае необходимости. Кроме этого, наличие на осваиваемой территории «могил предков» дополнительно её маркировало и устраняло претензии на эту землю других претендентов.

Из всех курганообразных конструкций Окинское плоскогорья кладка комплекса 15 Оки 1 выглядит наиболее впечатляющей. И хотя к настоящему времени каменная конструкция этого комплекса значительно разрушена, по ряду особенностей – наличие кольцевой оградки диаметром 27 м и круглой курганообразной кладки диаметром 16,5 м в центре конструкции, а также отсутствие сплошного заполнения камнями пространства между кольцом и кладкой, позволяет её охарактеризовать как херексур (Цыбиктаров, 1998. С. 136; Чугунов, 2002). Радиальные сооружения из камней, находящиеся между оградкой и курганной насыпью, напоминают лучи, фиксируемые у целого ряда херексуров. К настоящему времени это самый северный из известных херексуров. Вторым по удаленности на север и ближайшим к нему из херексуров является комплекс 1 археологического объекта Овоотын Узуур I (Судал 1). Он располагается в Монголии на северном берегу озера Хубсугул, на юго-восточной окраине сумонного центра Ханх (Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2006). Расстояние между двумя херексурами 110 км. Третий из самых северных херексуров – археологический комплекс Кур-Кечу 2 находится в Центральном Алтае (Тишкин, Гиенко, Дружинина, 2011). Он располагается в 940 км к западу от Оки 1.

Культуру оленных камней и херексуров в широком хронологическом диапазоне датируют XV–VIII вв. до н. э. (Ėnkhtör, Bemmman, Brosseder, 2018; Баярсай-

хан, Түвшинжаргал, Тэйлор и др., 2018; Frohlich, Amgalantögs, Littleton et al., 2009; Jeong, Wang, Wilkin et al., 2020; Wright, 2021). Не исключено, что в разных районах обширного ареала распространения херексуров хронологический диапазон существования этих памятников может не совпадать. Проникнуть на Окинское плоскогорье носители культуры оленных камней и херексуров могли только с юга – с территории современной Монголии. Один из наиболее вероятных маршрутов их продвижения проходил от северного побережья озера Хубсугул вверх по течению реки Их-Хоро-Гол до перевала Уха-Даба, или по её левому притоку Нарийн-Хоро-Гол до перевала Нарийн-Даба. Далее движение осуществлялось по долине реки Хоре – левому притоку Оки.

В значительной части херексуров не обнаружено следов захоронения человека. Вероятно, их сооружали для иных целей (Эрдэнэбаатар, 2009; Broderick, Houle, Seitsonen, Bayarsaikhan, 2014; Мамкин, Белюсов, 2019). Возможно, херексуры выполняли роль поминальников или кенотафов. В связи с этим правомерно рассматривать археологические объекты Ока 1 и Ока 2, до строительства с. Саяны и разборки части курганов, составлявшие единый памятник Саяны 1, как большой ритуальный ансамбль, не включающий в свой состав погребальных конструкций, что подтверждают раскопки 1870 и 2021 гг. Центральное положение в этом ансамбле занимает херексур. Не исключено, что большая часть комплексов с курганообразными насыпями сооружалась одновременно с ним и датируется в пределах конца II тыс. до н. э. – середины I тыс. н. э.

Заключение

Археологические памятники с курганами из камня, сооруженные древним населением Окинское плоскогорья, можно отнести к числу объектов, о которых известно очень немного. Вопросы их хронологии, культурной принадлежности и функционального назначения до сих пор остаются полностью нерешенными. Раскопки 2020–2021 гг. немного приоткрыли завесу таинственности над этими археологическими объектами. Большинство из них не являются погребальными сооружениями. Под ними отсутствуют ямы или какие-либо конструкции из камня и дерева. Наземные сооружения этих комплексов представлены круглыми кладками диаметром 2,5–6 м и оваль-

ными кладками размером от 2,8х3,6 м до 6х7 м. Часть овальных кладок, возможно, утратила свою первоначальную форму в результате действий грабителей. Конструкция всех курганообразных кладок однотипна, что указывает на их культурное единство и датировку в близком хронологическом диапазоне.

Ритуальный характер окинских курганов из камня не вызывает сомнения. Чаще всего они располага-

лись по одному. Исключение составляют памятники Ока 1 и Ока 2, включавшие по несколько курганов из камня. В настоящее время можно предполагать, что эти сооружения выполняли роль кенотафов или поминальников, одновременно являясь искусственными территориальными маркерами, закреплявшими права их строителей над определенной территорией.

Список источников

Аржанников С. Г., Инешин Е. М., Аржанникова А. В., Снопков С. В. Палеогеографическая обстановка обитания человека в долинах рек Окинского плоскогорья в Восточном Саяне (на примере долины р. Сенцы) // Известия Лаборатории древних технологий. 2010. № 8. С. 291–302.

Выркин В. Б., Масютина Ю. А. Геоморфологическое районирование Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 19. Сер. Наука о Земле. С. 32–47.

Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск : Наука, 1987. 116 с.

Герасимова К. М. Культ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии // Этнографический сборник. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского института общественных наук СО АН СССР, 1969. Вып. 5. С. 105–144.

Дашковский П. К., Серегин Н. Н. Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул : Изд-во Азбука, 2008. Вып. II. С. 83–100.

Кропоткин П. А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. IX и X. Иркутск : Типография Округного штаба, 1867. С. 1–94.

Лбова Л. В., Хамзина Е. А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 241 с.

Мамкин А. М., Белоусов В. Е. Новелла о курганах-керексурах на территории восточной провинции Байкальской Азии // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 28–45.

Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 128 с.

Ровинский П. А. О поездке на Тунку и на Оку до Окинского караула // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск : Изд-во типографии Синицына, 1871. С. 31–52.

References

Arzhannikov S. G., Ineshin E. M., Arzhannikova A. V., Snopkov S. V. (2010) Paleogeography conditions of human habitation in the valleys of the Oka Plateau in the Eastern Sayan Mountains (on the example of Sentsa River valley). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 8. P. 291–302. (In Russ.).

Vyrkin V. B., Masyutina Yu. A. (2017) Geomorphological zoning of the Oka Plateau (Eastern Sayan). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Nauka o Zemle = Reports of the Irkutsk State University. Earth Science series*. Vol. 19. P. 32–47. (In Russ.).

Galdanova G. R. (1987) Beliefs Predating Lamaism of the Buryats. Novosibirsk: Nauka. 116 p. (In Russ.).

Gerasimova K. M. (1969) The Obo cult as additional material for the study of ethnic processes in Buryatia. *Etnograficheskii sbornik = Ethnographic collection*. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo instituta obshchestvennykh nauk SO AN SSSR. Iss. 5. P. 105–144. (In Russ.).

Dashkovskii P. K., Seregin N. N. (2008) Cenotaphs of the nomads of Altai in the era of Late Antiquity and the early Middle Ages. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive = Worldview of the population of South Siberia and Central Asia in historical retrospective*. Barnaul: Azbuka. Iss. 2. P. 83–100. (In Russ.).

Kropotkin P. A. (1867) The travel to the Oka Guard Fort. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. IX i X = Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Books IX and X*. Irkutsk: Tipografiya Okrugnogo shtaba. P. 1–94. (In Russ.).

Lbova L. V., Khamzina E. A. (1999) Ancient Buryatia: map of archaeological sites. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 241 p. (In Russ.).

Mamkin A. M., Belousov V. E. (2019) A short story about kerekstur kurgans on the territory of the eastern province of Baikal Asia. *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian vector*. Vol. 14. No. 6. P. 28–45. (In Russ.).

Manzhigeev I. A. (1978) Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms. Moscow: Nauka. 128 p. (In Russ.).

Rovinskii P. A. (1871) About the travel to Tunka and Oka as far as Oka Guard Fort. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society*. Irkutsk: Tipografiya Sinitsyna. P. 31–52. (In Russ.).

Ташак В. И., Харинский А. В., Портнягин М. А. Древние ритуальные объекты Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. № 4. С. 132–156.

Тишкин А. А., Гиенко Е. Г., Дружинина Е. В. Астроархеологические исследования на древнем комплексе Кур-Кечу-II // Древние и современные культовые места Алтая / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2011. С. 81–90.

Харинский А. В., Ожередов Ю. И., Эрдэнэбаатар Д. Северное побережье озера Хубсугул в эпоху палеометалла // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии: российско-монгольский сборник научных трудов. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2006. С. 115–125.

Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 1998. 288 с.

Чугунов К. В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2002. С. 142–149.

Эрдэнэбаатар Д. Краткий очерк археологических исследований в Монголии // Известия Лаборатории древних технологий. 2009. Вып. 7. С. 113–148.

Broderick L. G., Houle J. L., Seitsonen O., Bayarsaikhan J. The mystery of the missing caprines: stone circles at the Great Khirigsuur in the Khanuy Valley. *Studia Archaeologica*. 2014. Т. XXXIV. Pp. 164–174.

Ėnkhtör, Altangerel & Bemann, J. & Brosseder, Ursula. (2018). The first excavations of bronze and iron age monuments in the middle Orkhon Valley, Central Mongolia: results from rescue investigations in 2006 and 2007. *Asian Archaeology*. 1. 10.1007/s41826-018-0001-8.

Frohlich, B., Amgalantögs, T., Littleton, J., Hunt, D., Hinton, J., and Goler, K. (2009). Bronze Age burial mounds in the Khövsgöl Aimag, Mongolia. In Bemann, J., Parzinger, H., Pohl, E., and Tseveendorzh, D. (eds.), *Current Archaeological Research in Mongolia*, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, Bonn, pp. 99–115.

Jeong C., Wang K., Wilkin S., Taylor W. T. T., Miller B. K., Bemann J. H., Stahl R., Chiovelli C., Knolle F., Ulziibayar S., Khatanbaatar D., Erdenebaatar D., Erdenebat U., Ochir A., Ankhsanaa G., Vanchigdash C., Ochir B., Munkhbayar C., Tumen D., Kovalev A., Kradin N., Bazarov B. A., Miyagashev D. A., Konovalov P. B., Zhambaltarova E., Miller A. V., Haak W., Schiffels S., Krause J., Boivin N., Erdene M., Hendy J., Warinner C. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe. *Cell* 183, 890–904, November 12, 2020.

Tashak V. I., Kharinskii A. V., Portnyagin M. A. (2021) Ancient ritual objects of the Oka plateau (Eastern Sayan). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy = Theory and practice of archaeological research*. Vol. 33. No. 4. P. 132–156. (In Russ.).

Tishkin A. A., Gienko E. G., Druzhinina E. V. (2011) Astroarchaeological research on the ancient complex Kur-Kechu-II. *Drevnie i sovremennye kul'tovye mesta Altaya = Ancient and modern places of worship in Altai*. Barnaul: Altai State University. P. 81–90. (In Russ.).

Kharinskii A. V., Ozheredov Yu. I., Erdenebaatar D. (2006) The Northern Coast of Lake Khubsugul in the Paleometallic Time. *Ekologo-geograficheskie, arkheologicheskie i sotsioetnograficheskie issledovaniya v Yuzhnoi Sibiri i Zapadnoi Mongolii: rossiisko-mongol'skii sbornik nauchnykh trudov = Ecological-geographical, Archaeological and Socio-Ethnographic Studies in Southern Siberia and Western Mongolia. Russian-Mongolian Collection of Scientific Works*. Barnaul: Altai State University. P. 115–125. (In Russ.).

Tsybiktarov A. D. (1998) The culture of slab graves in Mongolia and Transbaikalia. Ulan-Ude: Buryat State University. 288 p. (In Russ.).

Chugunov K. V. (2002) Khirigsuures of Central Asia (to the question of the origins of tradition). *Severnaya Evraziya v epokhu bronzy = Northern Eurasia in the Bronze Age*. Barnaul: Altai State University. P. 142–149. (In Russ.).

Erdenebaatar D. A (2009) Brief Outline of Archaeological Research in Mongolia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Iss. 7. P. 113–148. (In Russ.).

Broderick L. G., Houle J. L., Seitsonen O., Bayarsaikhan J. The Mystery of the Missing Caprines: Stone Circles at the Great Khirigsuur in the Khanuy Valley. *Studia Archaeologica*. 2014; XXXIV:164–174.

Ėnkhtör, Altangerel & Bemann, J. & Brosseder, Ursula. (2018). The first excavations of bronze and iron age sites in the middle Orkhon Valley, Central Mongolia: results from rescue investigations in 2006 and 2007. *Asian Archaeology*. 1. 10.1007/s41826-018-0001-8.

Frohlich, B., Amgalantögs T., Littleton J., Hunt D., Hinton J., and Goler K. Bronze Age Burial Mounds in the Khövsgöl Aimag, Mongolia. Bemann, J., Parzinger, H., Pohl, E., and Tseveendorzh, D. (eds.), *Current Archaeological Research in Mongolia*, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität. Bonn, 2009. P. 99–115.

Jeong C., Wang K., Wilkin S., Taylor W. T. T., Miller B. K., Bemann J. H., Stahl R., Chiovelli C., Knolle F., Ulziibayar S., Khatanbaatar D., Erdenebaatar D., Erdenebat U., Ochir A., Ankhsanaa G., Vanchigdash C., Ochir B., Munkhbayar C., Tumen D., Kovalev A., Kradin N., Bazarov B. A., Miyagashev D. A., Konovalov P. B., Zhambaltarova E., Miller A. V., Haak W., Schiffels S., Krause J., Boivin N., Erdene M., Hendy J., Warinner C. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe. *Cell* 183, 890–904, November 12, 2020.

Wright, J 2021, 'Prehistoric Mongolian Archaeology in the Early 21st Century: Developments in the Steppe and Beyond', *Journal of Archaeological Research*, vol. 29, pp. 431–479. <https://doi.org/10.1007/s10814-020-09152-y>

Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т., Тэйлор В., Батсайхан З., Лаури Б. Бор шорооны амны к дурсгалт газарт хийсэн архиологийн судалгаа. НҮҮДЭЛЧДИЙН ӨВ СУДЛАЛ. Улаанбаатар, 2018. ТОМ-ХИХ-II, FASC 1-24. С. 5-28.

Wright, J 2021, 'Prehistoric Mongolian Archaeology in the Early 21st Century: Developments in the Steppe and Beyond', *Journal of Archaeological Research*, vol. 29, pp. 431–479. <https://doi.org/10.1007/s10814-020-09152-y>

Bayarsaikhan J., Tuvshinjargal T., Taylor V., Batsaikhan Z., Lauri B. Archaeological survey of Bor Shoroon Oral Monument. NOMAD HERITAGE. Ulaanbaatar, 2018. Vol.-XIX-II, FASC 1-24. P. 5-28. (In Mongolian)

Информация об авторах

А. В. Харинский – доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, Иркутский государственный университет, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия.

Д. Е. Кичигин – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

А. М. Коростелев – научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

М. А. Портнягин – лаборант-исследователь Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18 января 2022 г.; одобрена после рецензирования 25 февраля 2022 г.; принята к публикации 9 марта 2022 г.

Information about the authors

A. V. Kharinskii – Dr. Sci. (History), Professor, Director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia; Irkutsk State University, 1, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia.

D. E. Kichigin – Cand. Sci. (History), associate-professor of the department of history and philosophy, researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of People of Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

A. M. Korostelev – research associate of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of Peoples of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

M. A. Portniagin – Laboratory Assistant Researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of Peoples of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 18, 2022; approved after reviewing February 25, 2022; accepted for publication March 9, 2022.